

VENUS PLATONOVNA

Темная нимфа. Чертова
яма

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Venus Platonovna

Темная нимфа. Чертова яма

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73521373

SelfPub; 2026

Аннотация

Говорят, Чертова яма не отпускает тех, кто однажды заглянул в её глубину.

Я заглянул. Мальчишкой. Меня вырвал оттуда отец – ценой собственной души. Сорок лет я жил, думая, что мы квиты. Но вода помнит всё.

Она вернулась. Та, с волосами цвета тины и глазами без дна. И теперь она требует плату: чистую, непорочную душу.

Анюта пришла сама. С кудряшками, выбивающимися из дурацкого платка, и улыбкой, от которой внутри всё переворачивается. Она не знает, что выбрана. Что древняя тьма уже тянет к ней руки с самого дна.

У меня есть сорок дней, чтобы её спасти. Или вечность, чтобы жалеть.

Это не выдумка. Это моя исповедь. Прочитайте – и решите сами, где кончается быль и начинается сон.

Venus Platonovna

Темная нимфа.

Чертова яма

Этот текст я посвящаю своему отцу, который спас меня, тонущую, из реки на последнем вздохе и последней минуте.

А также тем, кто однажды смотрел в воду и видел там не только своё отражение.

Пролог

Говорят, у каждого места есть своя тайна. Но есть места, где тайна – это не секрет, а существо. Оно дышит в такт волнам, ждёт во тьме и помнит запах человеческой кожи. Чертова яма – одно из таких мест.

История, которую вы прочтете, случилась не со мной. Или случилась? Я уже не уверен. Грань между былью и сном истончается, когда речь заходит о глубине, у которой нет дна.

Здесь всё правда. Даже то, во что невозможно поверить.

Часть первая

Глубина

Вятка в тех местах темная даже в полдень. Берега глинистые, обрывистые, и если смотреть с воды – лес стоит стеной, черный, сырой, без единого просвета. Там, где река делает петлю, огибая болотную топь, дно уходит резко, будто обрывается в никуда. Местные обходят это место даже на моторках. Говорят, мотор глохнет, а вода становится холодной, как в марте.

Чертова яма.

Никто не мог промерить ее глубину. Лот уходил, леска натягивалась струной, а потом – обрыв. Будто там, внизу, кто-то перекусывал бечеву.

Сомы там водились чудовищные. Их видели редко, но всегда перед бедой. Темные спины, длиной почти с лодку, вспарывали гладь воды бесшумно, словно не рыбы, а тени. Падальщики. Старики говорили, что они питаются тем, что падает сверху. А падало туда многое.

Я не верил. Пока не попал сам.

Я тогда плавал хорошо. По-местному – «речной». Мог переплыть Вятку туда-обратно без отдыха, обгонял катера на

спор. Глубины не боялся. И когда друзья сказали: «Слабо над Ямой?» – я только усмехнулся.

Сейчас понимаю – это была не бравада. Это был зов.

Я разделся на том берегу, у коряги, которую помню до сих пор: сухая, белая, как кость. Вошел в воду. Вятка в тот день была теплая, парная, но чем ближе к середине, тем сильнее холодела. Метров за десять до Ямы я почувствовал – меня тянет. Не течение, не водоворот – нет. Что-то мягкое, настойчивое, как рука, осторожно взявшая за щиколотку.

Я хотел повернуть назад, но тело слушалось плохо. Вода вдруг стала густой, вязкой, словно я плыл не в реке, а в остывающем киселе. Вдох – и меня дернуло вниз.

Я тонул не как обычно. Не было паники, не было судорожных гребков. Я просто падал в зеленую мглу, и свет сверху сжимался в серебряную монетку, таял, исчезал.

И тогда я увидел ее.

Сначала – волосы. Они не струились в воде, а двигались медленно, плавно, будто щупальца медузы. Белые, почти прозрачные, с зеленоватым отливом тины. Потом – плечи, тонкие руки, слишком длинные для человека. Кожа отлива-

ла синевой, как у утопленников, пролежавших в воде не одну неделю, но была целой, гладкой, без единого изъяна.

Она висела напротив меня, на той глубине, где уже не должно быть света. Но свет был. Он исходил от нее – холодный, сумеречный, как от гнилушек в осеннем лесу.

Я смотрел в ее лицо и не мог отвести взгляд.

Оно было прекрасным. Той страшной, нечеловеческой красотой, от которой стынет кровь. Тонкие скулы, чуть приоткрытые губы – синие, почти черные. Глаза – без белков, без зрачков, сплошная чернота, в которой угадывалась бездна. Глубокая, древняя, голодная.

Она не улыбалась. Просто смотрела.

И в этом взгляде не было злобы. Не было ненависти. Там было только терпение – вечное, ледяное, все понимающее и ничего не прощающее.

Вокруг нас, ниже, шевелились тени. Я различал фигуры – расплывчатые, полупрозрачные, с пустыми лицами. Они стояли на дне, покачиваясь в такт течению, подняв головы вверх. Потерянные души. Те, кого она взяла раньше. Рыбаки, купальщики, пьяные мужики с окрестных деревень – все они

ждали.

Я должен был стать одним из них.

Она протянула руку. Медленно, плавно. Ледяные пальцы коснулись моего горла, скользнули выше, к лицу. Я перестал чувствовать холод. Перестал чувствовать свое тело. Оставалось только это лицо напротив и чернота его глаз, засасывающая, ласковая, последняя.

Свет сверху совсем погас.

Я смотрел на нее и не слышал уже ничего. Только гул в ушах, ровный, как дыхание спящего зверя. Где-то далеко-далеко, на границе исчезающего сознания, мелькнула мысль: «Вот и все». И мне стало покойно.

Я не видел, как на поверхности, раздвигая воду, бил руками мой отец.

Я не слышал его крика, когда он нырнул в Чертову яму, туда, откуда не возвращаются.

Только пузырьки.

Я смотрел на нее, а она смотрела на меня, и где-то над

нами, пробивая толщу воды, ко мне тянулись совсем другие руки – горячие, в ссадинах, с обломанными ногтями. Я не видел их. Я видел только бездну ее глаз.

А потом что-то рвануло меня вверх.

Это не было течение. Это не было ее милосердие. Это были пальцы отца, вцепившиеся в мои волосы с такой силой, что кожа на голове горела огнем. Он тянул. Тянул, захлебываясь водой, отказываясь отпустить.

Я успел увидеть ее лицо в последний раз, когда отец дернул меня из ее рук.

Она не пыталась удержать. Она просто смотрела.

И в этом взгляде – черном, бездонном – впервые за все время мелькнуло что-то похожее на удивление.

Отец вышвырнул меня на отмель, как мешок с песком. Я кашлял, блевал водой, а он стоял рядом на коленях, мокрый, побелевший, и молча тряс меня за плечи. Потом размахнулся и ударил по лицу. Сильно. Так, что искры из глаз.

– Ты... – голос у него был чужой, сорванный. – Ты куда поперся, дурак?!

Я молчал.

Я смотрел мимо него, на гладкую воду Чертова ямы. Там не было кругов. Не было ряби. Только тишина и глубина, которой никто никогда не измерит.

Отец оттащил меня от берега, как маленького. Надел на меня рубаху, хотя зубы у меня не стучали – я вообще ничего не чувствовал, только странную пустоту в груди. Он курил, и руки у него дрожали так, что пепел сбивало ветром.

– Больше... – он запнулся, сглотнул. – Больше никогда сюда не пойдешь.

Я кивнул.

Я не мог рассказать ему про белые волосы в черной воде. Про синюю кожу и глаза, в которых исчезают души. Про то, что она уже взяла меня – просто в последний момент чья-то воля оказалась сильнее.

Не ее воля.

Отца.

Я вырос. Я уехал из тех мест. Но каждую осень, когда Вятка становится черной и тяжелой, я прихожу на обрыв над Чертова Ямой.

Стою и смотрю вниз.

И каждый раз вижу одно и то же: гладкую воду, в которой никто не отражается.

Но иногда, краем глаза, мне кажется, что оттуда, из глубины, на меня смотрят в ответ.

И тогда я вспоминаю не ее.

Я вспоминаю, как отец нашел меня там, где нельзя найти никого. Как нырнул в бездну за своим мальчишкой. Как вырвал меня у вечности голыми руками.

Чертова яма забрала многих.

Меня – не смогла.

Часть вторая

Расплата

Вятка в тех местах темная даже в полдень. Берега глинистые, обрывистые, и если смотреть с воды – лес стоит стеной,

черный, сырой, без единого просвета.

Я не был здесь двадцать лет.

Отец умер у меня на руках. Сердце остановилось внезапно, будто щелкнул выключатель. Я качал его грудную клетку, ломал ребра, делал вдох за вдохом в уже холоднеющий рот. Приезжая скорая констатировала. Врач сочувственно сжала мое плечо: «Вы сделали всё, что могли».

Нет.

Я сделал не всё.

Потому что за день до этого мне приснился сон.

Я снова тонул в Чертовой яме. Та же зеленая мгла, та же серебряная монетка света, тающая над головой. Но на этот раз в воде был не я.

Отец.

Он опускался вниз медленно, не сопротивляясь. Ноги его не двигались, руки висели плетьюми – только седая голова запрокинута, и глаза открыты. Он смотрел на поверхность, откуда его уже никто не вытащит.

А под ним была она.

Я не видел ее лица. Сначала я видел только волосы – черные, длинные, густые, они поднимались откуда-то из глубины, стелились по воде, как нефтяное пятно, обвивали отцовские ноги, тянули вниз, в черноту, где ждали своей очереди потерянные души. А потом из этой черноты медленно, плавно показался хвост. Чешуя его отливала густой зеленью – не изумрудной, не малахитовой, а темной, болотной, цвета тины и гниющих листьев. Он двинулся лениво, хищно, и я понял: она не просто тянет отца. Она забирает свое.

Я кричал. Беззвучно, потому что под водой крика нет. Я тянул руки, пытался плыть, но вода стала густой, как смола. Я не мог пошевелиться. Только смотреть, как отец уходит все глубже, как смыкаются над его головой черные волосы, как гаснет последний свет в его глазах.

Я проснулся от собственного крика.

Простынь была мокрая насквозь. Сердце колотилось где-то в горле. Я набрал номер отца – трубку взяла мама, сказала, что он спит, всё хорошо, ничего не болит. Я успокоился. Сон есть сон.

А на следующий день он умер.

Скорая. Ломаные ребра под моими ладонями. Беспольный ритм «раз-два-три-четыре». И его глаза, открытые, смотрящие в потолок.

Точно как во сне.

Врачи сказали – обширный инфаркт. Я перебирал в голове сотни «если»: если бы я раньше вызвал скорую, если бы заметил, если бы заставил его проверить сердце. Год я жил с этим. Два года. Десять.

Пока не понял: я должен вернуться.

Сейчас лето. Вятка снова теплая, парная, пахнет тиной и рыбой. Я стою на опушке леса, в тени черных елей, и смотрю на Чертову яму. Ближе не подхожу.

Она там.

Я знаю.

Я смотрел на гладкую, как зеркало, воду целый час. Солнце поднялось выше, тени переломились, и тогда я увидел.

На том берегу, у белой коряги, стоял человек.

Я не сразу узнал его. Фигура была знакомая, родная, но словно выцветшая, стертая временем. Те же широкие плечи, та же манера держать голову чуть набок.

Он смотрел на воду. Не на меня.

Я сделал шаг вперед, и трава под ногой хрустнула так громко, что дрозд сорвался с ветки.

Человек обернулся.

У него было лицо моего отца.

Только моложе. Лет на тридцать моложе, без морщин, без седины, без той усталости, с которой он смотрел на мир последние годы. Он смотрел на меня – и не узнавал.

Я хотел крикнуть. Позвать. Броситься к нему через воду, как когда-то он бросился за мной.

Но вода вдруг стала густой, вязкой. Вятка замерла.

Из-за спины отца, из-за белой коряги, медленно, плавно поднялось лицо.

Черные волосы тяжело скользнули по плечам, упали в воду, и вода приняла их, обвилась вокруг каждой пряди, будто живая. Кожа отливала синевой, как у утопленников, пролежавших в воде не одну неделю, но была целой, гладкой, без единого изъяна. Глаза – без белков, без зрачков, сплошная чернота, в которой угадывалась бездна.

Я смотрел на нее – и не мог отвести взгляд.

Двадцать лет назад я видел ее в последний раз. Тогда волосы ее были белыми, прозрачными, как у призрака. Теперь они стали черными. Густыми, живыми, тяжелыми. Словно за эти годы она впитала в себя всю тьму этой реки, всю горечь потерь, всю глубину Чертова ямы.

А потом из воды медленно, плавно поднялся хвост.

Чешуя вспыхнула в солнечном свете – и тут же погасла. Темно-зеленая, болотная, с отливом, как у старой бронзы, покрытой патиной. Каждая чешуйка двигалась отдельно, переливалась, дышала. Он изогнулся лениво, хищно, и вода вокруг пошла кругами.

Она не отпускала плечо моего отца. Тонкие пальцы лежали на его рубашке – той самой, клетчатой, которую мама ку-

пила ему на юбилей.

– Отпусти, – сказал я.

Она не ответила. Только склонила голову, и черные волосы завесой упали на лицо.

Отец смотрел на меня. Не узнавая.

И тогда я понял: он не помнит. Не помнит сына, которому подарил вторую жизнь. Не помнит, как нырнул в бездну и вырвал меня у вечности. В той воде, куда он ушел двадцать лет назад, память тает быстрее тела.

Она забрала его не вчера.

Она забрала его тогда, когда я вынырнул на поверхность, а он остался.

Просто сердце билось еще сорок лет.

Я стоял на опушке леса, смотрел на отца, стоящего на том берегу, и не мог сделать ни шагу. А вода в Чертовой яме была абсолютно, неестественно гладкой. Ни ряби, ни течения. Ничего, кроме тишины.

И тишина эта ждала ответа.

– Прости, – сказал я воде. – Я не могу остаться.

Отец на том берегу склонил голову. Медленно, будто прощаясь.

А она подняла на меня глаза.

Черные, бездонные, древние. В них не было злобы. Не было ненависти. Только усталость – вечная, терпеливая, все понимающая и ничего не прощающая.

И тогда я услышал.

Голос ее шел не сверху, не снизу – он рождался прямо в моей голове, тихий, как шум воды в ракушке, холодный, как та глубина, где не бывает солнца.

– Душу за душу.

Я замер.

Она смотрела на меня в упор, и черные волосы ее медленно шевелились в неподвижной воде, будто жили своей жизнью. Хвост с зеленой чешуей лениво качнулся, разрезая

гладь.

– Он отдал себя за тебя. Тогда. Вода взяла свое – но позже. Такой уговор.

Я перевел взгляд на отца. Он стоял у белой коряги, смотрел на воду, и лицо его было спокойным. Таким спокойным, каким я не помнил его последние годы. Ни боли, ни усталости. Только тишина.

– Он знал? – спросил я.

– Знал.

– И все равно нырнул?

Она не ответила. Только склонила голову, и в черных глазах ее мелькнуло что-то – не насмешка, не жалость. Узнавание.

Я смотрел на отца. На его молодое лицо, на руки, которые когда-то вырвали меня из этой самой воды. Он не помнил меня. Но он помнил тот миг – я видел это в том, как он стоял у края, глядя на реку. Он все еще ждал. Все еще сторожил.

– Ты дала мне проститься, – сказал я. – Тогда, двадцать

лет назад. И сейчас.

Она молчала.

– Спасибо.

Черные волосы скользнули по воде, скрывая лицо. Хвост медленно, плавно ушел в глубину, и чешуя его погасла, слилась с чернотой.

Отец сделал шаг вперед, к воде. Его губы шевельнулись – беззвучно, но я прочитал это слово.

– Сын...

Я рванул с места. Я забыл, что нельзя. Забыл про черную глубину и древнюю хищницу в ней. Я побежал к воде, чтобы броситься в реку, доплыть, схватить его, вытащить – как когда-то он вытащил меня.

Но вода вдруг встала стеной.

Невидимая преграда – плотная, упругая, как студень – не пустила меня. Я бил по ней кулаками, а она держала, не давала сделать и шагу.

А отец стоял на том берегу. Смотрел на меня. И медленно, очень медленно, таял.

– Я люблю тебя, – сказал я.

Он улыбнулся. Так, как улыбался, когда я был маленький и приносил из школы пятерки. Так, как улыбался в последний раз, когда видел меня живым.

А потом его не стало.

Я опустился на колени в сырую траву. Смотрел на пустой берег, на белую корягу, на гладкую, как зеркало, воду.

– Душу за душу, – прошептал я.

Вода дрогнула.

На мгновение мне показалось, что в глубине мелькнула темная зелень – и погасла.

Я простоял там до вечера. А потом ушел.

И больше никогда не вернусь.

Но знаете, что я понял там, на краю Чертова ямы?

Она не злая. Не жестокая. Она просто другая – древняя, темная, вечно голодная. Она берет тех, кто сам готов уйти. И отпускает тех, за кого держатся.

Но еще она помнит уговоры.

За мной держались.

За отца держаться было уже некому – он сам выбрал отдать себя. И она ждала. Сорок лет ждала, пока сердце его не остановится само. Потому что слово есть слово. Даже если это слово сказано в воде, захлебываясь, глядя в черные глаза без дна.

Я хочу верить, что там, в черной глубине, он наконец обрел покой. Что черные волосы укачивают его, как когда-то укачивала мать. Что потерянные души вокруг стали ему друзьями. И что зеленый хвост, отливающий старой бронзой, сторожит его сон.

Я хочу верить, что однажды, когда мое время истечет, я переплыву Вятку снова.

И он встретит меня на том берегу.

У белой коряги.

Душу за душу.

Я заплачу сполна.

Часть третья

Голос из глубины

Бывает разное. Иногда помощь приходит не от святых и не от добрых.

После того, как я ушел от Чертова ямы, жизнь по инерции катилась еще несколько лет. Женился, развелся. Работал, копил, открыл свое дело. Друзья, которые звонили только когда нужно было занять, стали партнерами. Я подписывал бумаги, верил в порядочность, закрывал глаза на мелочи. А когда мелочи выросли в долговую яму – они просто исчезли.

С одной стороны коллекторы. С другой – бандиты. Я не спал ночами, вздрагивал от каждого стука в дверь, перестал брать трубку. Квартиру пришлось продать почти за бесценок, чтобы закрыть хоть часть. Оставшееся висело на мне ржавым якорем.

Я ушел в пригород. В заброшенные дачи, где стылая осень давно выбила стекла и поселила в углах плесень. Собрал

рюкзак, палатку, спички, соль. И плот.

Доски нашел там же – разобрал гнилой сарай. Связал кое-как, надежно, по-рыбацки. Оттолкнулся от берега, когда солнце уже садилось.

Вятка приняла меня молча.

Я плыл вниз по течению, не греб, не правил. Просто смотрел в черное небо и слушал, как вода лижет днище. Костер развел прямо на плоту – в жестяном ведре, обложенном камнями. Тепло усыпляло.

Я не заметил, как задремал.

Водоворот подхватил плот мягко, почти ласково. Я открыл глаза – и не испугался. Круги расходились в темноте, унося меня не вниз, а куда-то в сторону. Туда, где лес на берегу стоял черной стеной.

К тому месту.

Под каплей алкоголя, что еще бродила в крови, я вдруг начал говорить.

Я рассказывал воде всё. Про друзей, которые оказались

пустотой. Про деньги, которые не стоили сломанной жизни. Про страх, который грыз изнутри тише, но сильнее любой хищной рыбы. Про то, как устал. Как хочется просто закрыть глаза и не открывать.

Вода слушала.

Тишина стояла такая, что слышно было, как падают звезды.

А потом из моих глаз капнула слеза.

Она скатилась по щеке, упала на край плота, впиталась в сырое дерево – и в этом месте, в маленькой лужице, проступило лицо.

Черные волосы тяжело легли на доски, расплзлись по воде вокруг плота. Кожа цвета синевы. Глаза – без белков, без зрачков, сплошная чернота, в которой угадывалась бездна.

Я смотрел на нее – и не чувствовал страха.

Она смотрела на меня – и впервые за двадцать лет я увидел в ее лице не голод. Не терпение. Не усталость.

Что-то другое.

– Ты вернулся, – голос ее шел не из воды – он родился в моей голове, холодный, как ключевая вода, но без привычной уже ледяной обжигающей силы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.